

Отношения России и Европейского союза в контексте современной трансформации миропорядка: проблемы изучения и преподавания

Т. А. Романова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Романова, Т. А. (2024) 'Отношения России и Европейского союза в контексте современной трансформации миропорядка: проблемы изучения и преподавания', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40 (2), с. 157–174.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201>

Исследование отношений России и Евросоюза (ЕС) с 2022 г. сопряжено со значительными проблемами. Глубокий кризис миропорядка вызвал столкновение России и Запада, а также ограничил сотрудничество Москвы и Брюсселя. В этом контексте цель написания статьи — пригласить к дискуссии о том, зачем и как исследовать отношения России и ЕС, европейскую интеграцию на современном этапе, а также как освещать данные вопросы для студентов. Автор статьи обращается к четырем моделям взаимодействия науки и политической практики, отмечая приоритетность четвертой, то есть совместного производства науки и политической практики. Эта модель, с одной стороны, базируется на социальных реалиях и отвечает на запрос государства и общества, а с другой — выявляет социальные проблемы и их возможные решения, формулирует новые категории и парадигмы, очерчивающие возможное и необходимое в политической практике. В статье выделяется шесть тематических блоков, которые позволят современным исследованиям отношений России и ЕС соответствовать модели совместного производства науки и политической практики: анализ опыта сотрудничества России и ЕС в период с 1992 по 2022 г.; принятие доминирования вопросов политики и безопасности над экономической логикой на современном этапе; моделирование новой системы безопасности, которая неизбежно потребует взаимодействия России и ЕС на глобальном, региональном и национальном уровнях; изучение санкций (ограничительных мер) России и ЕС, а также их влияния на обоих акторов и их связи; проработка возможных в будущем отношений России и ЕС (в особенности экономических), а также выявление особенностей углубления интеграционных процессов в ЕС, которые могут быть полезными для евразийской интеграции. Четвертая модель взаимодействия науки и политической практики ставит ученых и преподавателей перед серьезными проблемами. Среди них конфликт идентичностей исследователей, терминологические расхождения, взаимный доступ к источникам и литературе, а также ограниченная (в части диалога России и Запада) интернационализация научных дебатов. Преодоление данных проблем упрочит условия для четвертой модели в исследованиях отношений России и ЕС. Автор позиционирует текст как приглашение к дискуссии научного и преподавательского сообщества.

Ключевые слова: отношения России и Евросоюза, европейская интеграция, зона свободной торговли, санкции, геополитика и геоэкономика, преподавание международных отношений, кризис.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Введение

Одной из расхожих шуток в марте 2022 г. стала следующая: если вы думаете, что занимаетесь бесполезным делом, подумайте, что есть те, кто изучает международные отношения. Далее в некоторых случаях говорилось, что утверждение не касается тех, кто занимается сотрудничеством России с постсоветской Евразией, Китаем, Турцией, Глобальным Югом, мировым большинством. Но однозначно фраза затрагивала исследователей Европейского союза и отношений России и ЕС. Коллеги-международники с хитринкой в глазах нередко уточняли: жив ли еще Евросоюз? (На наш взгляд, жив, адаптируется к новой международной среде, частично меняя свою природу, вполне возможна стагнация интеграции, но не отказ от нее.) Некоторые общественные деятели порой безапелляционно отмечали, что отношения ЕС и России можно изучать лишь в историческом разрезе. Аналогичные заявления по вопросу связей Москвы и Брюсселя звучали и на Западе. Количество статей на данную тематику в русскоязычных и иностранных профильных журналах сократилось, уменьшилась популярность соответствующих курсов по выбору среди студентов.

Причины столь резких изменений в научной и образовательной деятельности, на первый взгляд, очевидны. И Москва, и Брюссель констатируют кризис мирового порядка как базовую характеристику современности. В Концепции внешней политики России 2023 г. отмечено: «Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира», предполагающее в том числе снижение влияния коллективного Запада¹. А главный дипломат Евросоюза Жозеп Боррель подчеркивает, что в мире «все больше и больше влиятельных игроков, больше и больше глобальных вызовов, но найти консенсус между ними все сложнее. Больше нет коалиции доминирующих сил, способной навязать глобальный порядок. Напротив, конкурирующие силы пытаются нейтрализовать друг друга»². В этот кризисный момент Москва и Брюссель оказались по разные стороны баррикад. Евросоюз защищает «порядок, основанный на правилах», как стадию развития либерального мирового порядка. Россия же стремится изменить его в пользу мирового большинства.

В этом столкновении постепенно исчезли три опоры взаимодействия России и ЕС. Первая, идейная (восприятие Евросоюза как нормативного и регулятивного ориентира отечественных политических и экономических реформ), была разрушена в результате критики гегемонии Евросоюза (и в целом Запада) еще в первое десятилетие нынешнего века. Эту опору постепенно вытеснили осознание Россией своей самости, битва нарративов. Вторая опора, экономическая (активное инвестиционное сотрудничество, масштабная взаимная торговля, в том числе углеводородами³, планы создать зону свободной торговли и общее экономическое простран-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 27.10.2023).

² Borrell, J. (2023) *Multipolarity without multilateralism*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/multipolarity-without-multilateralism_en (дата обращения 27.10.2023).

³ См., например, European Commission. (2021) *Trade. Countries and Regions: Russia*. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/russia/> (дата обращения: 21.12.2023).

ство⁴), пострадала в результате взаимных ограничительных мер (часто называемых санкциями), а в некоторых случаях и из-за разрушения физической инфраструктуры (газопроводы двух систем «Северный поток»). Нередко эти тенденции объединяют термином «экономическая война»⁵. Наконец, третья опора — масштабное взаимодействие на человеческом уровне, особенно в зоне протяженной наземной границы России и ЕС, — пострадала как от санкций, так и от добровольных ограничений на уровне компаний, университетов, неправительственных организаций. В результате исчез фундамент, который делал сотрудничество России и Евросоюза осязаемым, понятным для большинства граждан.

Восстановление какой-либо из опор в прежних отношениях России и Евросоюза в обозримом будущем не предвидится. Напротив, обе стороны воспринимают сохраняющуюся/возможную экономическую или технологическую зависимость друг от друга как угрозу, уязвимость, которую визави может использовать как оружие (вепонизировать). И Москва, и Брюссель ищут возможности усилить свой суверенитет (Романова, 2024). В результате этих тенденций сформировалось представление, что предмета для изучения в сфере отношений России и ЕС не осталось (за исключением исторических аспектов).

Перед исследователями и преподавателями стоят три вопроса. Первый — целесообразно ли продолжать профессионально заниматься отношениями Евросоюза и России? Второй — какие конкретные сюжеты заслуживают внимания в нынешнем контексте и на основе прогноза дальнейших отношений? Третий — как решать практические проблемы исследований и преподавания, связанные с жестким периодом конфронтации России и Запада, интегральной частью которого является Евросоюз? В следующих разделах статьи даны последовательные ответы.

1. Наука и политическая практика: модели взаимодействия

Существуют четыре модели взаимодействия науки и политической практики (*policy*). Они были обобщены исследователями Кристиной Босвелл и Кэтрин Смит (Boswell and Smith, 2018). Согласно первой модели, научные достижения должны влиять на политическую практику, обуславливать ее. Здесь работают две взаимодополняющие логики. Одна — рациональная — исходит из того, что ученые тем или иным способом коммуницируют с практиками, демонстрируя результаты своих изысканий. Исследования и инновации рассматриваются как экзогенные в отношении процесса принятия решений, но их результативность заставляет практиков брать новации на вооружение. Вторая логика — социологическая, конструктивистская — предполагает, что исследования, инновации, открытия в результате диффузии постепенно провоцируют концептуальные изменения в обществе и среди политиков, ведут к изменению парадигм мышления и подходов к тем или иным

⁴ «Дорожная карта» по общему экономическому пространству. Утв. 10 мая 2005 г. в Москве Президентом России В. Путиным, Премьер-министром Люксембурга Ж.-К. Юнкером, Председателем Комиссии Европейских сообществ Ж. М. Дурау-Баррозу и Верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_russian.pdf (дата обращения: 02.08.2023).

⁵ Парламентская газета. (2022) Мишустин: 'Против России развязана экономическая война'. URL: <https://www.pnp.ru/economics/mishustin-protiv-rossii-razvyazana-ekonomicheskaya-voyna.html> (дата обращения: 05.11.2023).

проблемам (Béland, 2009; Hall, 1993). В этом случае исследования и процесс принятия политических решений находятся в одной среде, высшее образование часто объединяет их.

Именно исходя из первой модели в исследованиях неизменно прописывается практическое значение, от ученых требуют готовить рекомендации для лиц, принимающих решения, а также популяризировать результаты своих изысканий. Эта логика до 2022 г. была доминирующей и в отношениях России и Евросоюза. Она определяла осмысление паттернов развития европейской интеграции (Butorina and Kaveshnikov, 2016), прогнозы развития двух акторов и их отношений, например зоны свободной торговли или общего экономического пространства России и ЕС, а также проработку вариантов сотрудничества в различных сферах (Romanova and David, 2021).

Вторая модель соотношения науки и политической практики, напротив, предполагает, что регулирование (в широком смысле) очерчивает научные исследования. Это видение концептуально восходит к идее правительственности М. Фуко (Foucault, 1999) как создания саморегулирующихся субъектов, а также к грамшианскому взгляду на экспертизу как арену властных отношений, призванных защищать интересы элиты и господствующей идеологии (Gramsci, 2009). В этой модели также можно выделить рациональный и социологический подходы. В первом случае только исследования, востребованные современной политической практикой и доминирующими общественно-политическими концепциями, будут использоваться в процессе принятия решений, финансироваться и поощряться. Научные изыскания могут применяться для поддержки уже принятых решений или для того, чтобы отложить те или иные преобразования. Ученые же подстраиваются под требования времени, а также приоритеты грантодателя. В случае применения социологической, конструктивистской логики политические реалии, а также организационные формы просто не оставляют возможности для исследований, не отвечающих запросам современной политики.

Представление, что предмета для изучения отношений России и Евросоюза, а также для преподавания аналогичной дисциплины не осталось, исходит именно из второй модели. Парадоксальным образом Россия и ЕС оказываются похожими. В нашей стране количество статей по отношениям с ЕС в ведущих профильных журналах («Мировая экономика и международные отношения», «Современная Европа», вестники ведущих университетов, «Вопросы экономики») упало после 2022 г., в ряде случаев возобладало несколько упрощенное мнение, что Евросоюз деградирует, находится на пути к развалу. В ЕС же центры изучения России и отношений с ней, а также русского языка перепрофилируются, идет разговор о деколонизации как исследований постсоветского пространства, так и внешней политики ЕС. Деколонизация в данном случае понимается как предложение воспринимать постсоветское пространство не через призму отношений с Россией, а минувя и даже игнорируя ее. Официальная точка зрения России, как отмечено, состоит в том, что мы наблюдаем возникновение нового миропорядка. Следовательно, время выстраивать отношения с Западом (и особенно с ЕС) пока не пришло; это дело будущего, «завтра». Точка зрения Евросоюза — надо восстановить прежний миропорядок (возможно, с некоторыми изменениями и лучшей интеграцией незападных стран, хотя для этого рецептов нет). Эта перспектива ориентирована скорее во «вчера»;

неслучайно она часто ассоциируется с условиями, которые Брюссель выдвигает для возврата к *business as usual* (от чего, впрочем, официальная Москва предсказуемо и вполне логично отказывается).

Третья модель отношения науки и политической практики видит эти две сферы как автономные. В понимании сути модели поможет ассоциация с идиомой «башня из слоновой кости». Босвелл и Смит (Boswell and Smith, 2018) связывают данную модель с системной теорией Никласа Лумана, согласно которой наука и политическая практика составляют две автопоэзисные системы; каждая оперирует на основе своего коммуникативного кода (Luhmann, 1991). Для науки таким кодом будет «истина/ложь», а для политической практики — «правительство/оппозиция» (Boswell and Smith, 2018). Именно последний код определяет, какие решения и как внедряются в жизнь. Между системами информация может циркулировать, согласно этому взгляду, лишь ограниченно. Как считает автор настоящей статьи, такое взаимодействие мало применимо к социальным наукам. Во-первых, нередко ученые, работающие в сфере международных отношений (экономических или политических), участвуют в экспертной работе. Во-вторых, вся система научного знания и высшего образования выстраивается так, чтобы расширить коммуникацию с политической практикой, обеспечить переток исследований и разработок в жизнь.

Наконец, четвертую модель взаимодействия науки и политической практики Босвелл и Смит (Boswell and Smith, 2018) называют «совместное производство» (*co-production*). Речь идет о взаимозависимости политической практики и науки, где первая дает эмпирический материал, а вторая формулирует на его основе концепции, выделяет (новые) проблемы и их решения, питающие политическую практику. Эта модель зародилась для описания отношений в точных и естественных дисциплинах, однако затем вышла за их пределы. Интересно для развития этой модели и наблюдение Дж. Кейнса о том, что «сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» (Keynes, 1936, p. 458). Четвертая модель показывает, как теории помогают определить социальные проблемы, как наука формирует соответствующие навыки, инструменты и технологии (Boswell and Smith, 2018, p. 5; Pickering, 1995). Основу четвертой модели составляет взаимное конституирование знания и управления. По меткому замечанию Шейлы Ясанофф, государства «состоят из знания, а знание создается государством» (Jasanoff, 2004, p. 3). Социальные науки в этом подходе не только производные реальности, но и сами производят эту реальность (Giddens, 2011). На взгляд автора настоящей статьи, эта модель наиболее адекватно описывает реалии сложной интеракции науки и политической практики в социально-экономической области.

Важность данной модели в исследованиях отношений России и Евросоюза и преподавании соответствующих дисциплин обусловлена несколькими обстоятельствами. Первое — объективное: как бы Россия и ЕС друг друга ни раздражали на данном этапе, как бы плохи ни были отношения, они остаются непосредственными соседями. Для Евросоюза наша страна — сосед с наиболее протяженной наземной границей. Несмотря на появляющееся в России с изрядной периодичностью представление о развале европейской интеграции под влиянием макроэкономических, миграционных и других кризисов, последняя является сложившейся политической системой. Она (как и другие акторы) может испытывать проблемы различного ха-

рактера, увеличиваться или уменьшаться в размерах, изменять характер взаимодействия со своими странами-членами, быть в большей или меньшей зависимости от поведения США, но вряд ли исчезнет в ближайшие десятилетия с карты мира.

Второе обстоятельство — управление любым конфликтом требует подготовки. Отношения с недружественными странами требуют более глубокого знания визави, нежели при сотрудничестве. Цена ошибки при неверном шаге более высока: с расположенными к конструктивному диалогу акторами шанс поправить непродуманное решение, как правило, есть, а с теми, кто занимает конфликтную позицию, вторая попытка нередко отсутствует. Парадоксальным образом, однако, хотя нынешнее время нередко сравнивается с холодной войной (параллель небесспорная (Karaganov, 2018; Khudoley, 2020)), логика «изучай противника как можно лучше» не работает. С обеих сторон наблюдается скорее стремление отстраниться, отвернуться, не замечать другого.

Третье — рано или поздно России и ЕС придется налаживать отношения. Любые конфликты заканчиваются. Непосредственное соседство требует взаимодействия при управлении различными рисками (от вопросов жесткой безопасности до охраны окружающей среды, в том числе в общем регионе Балтийского моря или в Арктике). И к этому моменту надо подойти с набором предложений, конкретных решений, продуманных инструментов и механизмов взаимодействия. Актор, который загодя заготовил широкий спектр вариантов развития диалога, имеет нередко решающее преимущество в очерчивании сотрудничества завтрашнего дня, в выработке договоренностей.

Выбор четвертой модели взаимодействия науки и политической практики означает, что надо исследовать отношения России и ЕС, а также европейскую интеграцию сегодня и преподавать соответствующие дисциплины студентам. Именно четвертая модель позволит подготовить специалистов, которые смогут максимально эффективно ответить на вызовы и современности, и будущего, а следовательно, будут востребованы на рынке труда в различных отраслях, как на национальном, так и на международном уровнях.

2. Что изучать и преподавать?

Какие вопросы требуют исследования и как их преподавать, если задача состоит в подготовке современных специалистов по взаимодействию России и ЕС и европейской интеграции, а также в укреплении отношений между наукой и политической практикой на основе модели «совместное производство»? Наметим исследовательскую и образовательную проблематику, не раскрывая ее подробно. Задача состоит в определении наиболее важных и актуальных аспектов, а также в приглашении коллег к междисциплинарной дискуссии.

Во-первых, необходимо критически осмыслить прошлое отношений России и Евросоюза, сделать работу над ошибками. Это простое, известное со школьной скамьи выражение предполагает кропотливый и в долгосрочной перспективе крайне важный труд. Цель его видится не в поиске виноватых, а в том, чтобы понять, где и почему позитивный потенциал сотрудничества начала 1990-х годов был утрачен, что послужило основой для нарастающего конфликта России и Запада, какие уроки надо извлечь из этого.

Инструментом для такой работы может быть выделение тематических, структурных и институциональных уровней в отношениях России и Евросоюза (Romanova, 2017). Тематический подход к уровням состоит из разделяемых партнерами макроидей, секторальных целей, а также инструментов имплементации. Например, при анализе экономического сотрудничества на верхнем уровне будет базовый консенсус относительно рыночной экономики, либерализации рынков, конкуренции, верховенства закона. На мезоуровне разместится конкретная секторальная цель. На разных этапах прошлых отношений России и Евросоюза в качестве таковых позиционировались зона свободной торговли и общее экономическое пространство. Наконец, на микроуровне будут конкретные меры сближения технического регулирования, стандартизации и аккредитации и т. п.

Структурный подход к уровням — это взгляд на взаимодействие по линиям Россия — Запад (макроподход), Россия (и, возможно, Евразийский экономический союз (ЕАЭС)) — ЕС (мезоперспектива) и, наконец, Россия — страны — члены ЕС, в том числе на региональном треке (микроуровень). В экономических отношениях в структурном ракурсе уместно будет посмотреть на нынешнее доминирование Запада в большинстве международных организаций и в определении норм, на роль ВТО, на растущее значение ЕАЭС. Интересен также конфликт между мезоуровнем, где определяются правовые, регулятивные условия сотрудничества, и микроуровнем, где осуществлялась фактическая торговля. Наконец, институциональный подход высвечивает межгосударственные/межправительственные (официальные контакты на высшем уровне), трансправительственные и транснациональные связи. Такой инструмент позволяет, на наш взгляд, комплексно подойти к анализу прошлого, установить дефицит взаимодействия на отдельных уровнях или противоречия между ними, которые нередко вели к политизации отношений Москвы и Брюсселя.

Второе направление перспективных исследований, а также важный компонент в преподавании дисциплин, связанных с отношениями России и ЕС, предполагают осознание того, что на данном этапе политика и безопасность оттеснили экономические аспекты сотрудничества. Отношения России и Евросоюза ранее состояли прежде всего из так называемых мягких аспектов (торговля, инвестиции, особенно в энергетике, образовательное и научное сотрудничество, совместная работа с экологическими и миграционными вызовами, облегчение визового режима, туризм). Принцип экономической целесообразности преобладал в политической практике, что ярко проявлялось в стремлении России иметь прагматичные торгово-экономические отношения с ЕС. Евросоюз как неолиберальный актор сделал немало для того, чтобы упрочить это представление. Такой подход был закономерным, ведь именно экономическая взаимозависимость, а также способность диктовать нормы и правила обеспечивали Брюсселю влияние.

В теории международных отношений ранее доминировал взгляд на геополитический конфликт, который будет заменен геоэкономическим соперничеством, «грамматикой торговли» (Luttwak, 1990). Ученые придерживались неолиберализма, тогда как (нео)реализм с его силовым соперничеством нередко казался делом прошлого. Это особенно ярко проявлялось в исследованиях интеграции, а также внешних связей Евросоюза с третьими странами. Экономисты нередко игнорировали политические аспекты в исследовании торгово-инвестиционных связей Рос-

сии и ЕС (Astrov, 2021). Неслучайно сформировались концепции Евросоюза как рыночной (Damro, 2012), нормативной (Manners, 2002), регулятивной силы (Bradford, 2020).

Сегодня, напротив, и Россия, и Евросоюз ставят политические соображения на первый план, при этом экономика отходит на второй план, занимает подчиненное политике положение. Нередко даже говорят о подмене геоэкономики геополитикой⁶. В этом Москва и Брюссель парадигмально похожи, что связано с упомянутым кризисом в мировом порядке, который обе стороны воспринимают как определяющий. И Россия, и ЕС защищают свои жизненные интересы, а следовательно, готовы пожертвовать экономическими соображениями. Оба актора предполагают, что только у них есть экзистенциальные соображения, связанные с безопасностью и защитой международных норм, тогда как другая сторона должна руководствоваться рыночной целесообразностью. Именно так обоснованы и ограничительные меры Евросоюза⁷, и сожаления Москвы о том, что в угоду логике конфронтации Брюссель жертвует своими экономическими интересами, прежде всего в области энергетики⁸. Лишь после обновленной договоренности относительно базовых параметров мирового порядка Россия и ЕС смогут переопределить нормативную основу взаимодействия, согласовать характер регулирования экономических связей, а также правовой статус транснациональных контактов и их участников. Таким образом, традиционная сфера отношений России и ЕС (экономическая) отходит на второй план.

Третье направление, вытекающее из предыдущего, — это вопросы безопасности. Первым порывом будет отрицание роли Евросоюза в области безопасности, поскольку он преимущественно актор экономический и нормативный. Однако, во-первых, ЕС претерпевает значительные трансформации, цели которых — углубить сотрудничество его стран-членов в области внешней политики и безопасности, лучше координировать оборонные расходы, упрочить так называемый европейский суверенитет (Романова, 2024). Во-вторых, само урегулирование вопросов безопасности — многоуровневая проблема, в которой надо выделять как минимум три трека. Первый — вопросы стратегической стабильности и ядерного сдерживания, исторически они вовлекают только Россию (ранее — СССР) и США. В то же время идут дискуссии о том, чтобы включить в обсуждение другие ядерные страны, прежде всего Китай, Францию и Великобританию. Следовательно, косвенно (через Францию) будет участвовать в этих переговорах и ЕС. Второй трек — вопросы европейской безопасности, где ЕС все более активен. Этот процесс характеризуется как геополитическое пробуждение ЕС⁹, адаптация Брюсселем языка

⁶ Коммерсант (2023) *Геополитика бьет по геоэкономике*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915376> (дата обращения: 05.11.2023).

⁷ Borrell, J. (2022) *Russia/Ukraine: Statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell on the fourth package of restrictive measures*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/russiaukraine-statement-high-representativevice-president-josep-borrell-fourth-package-restrictive_en (дата обращения: 31.10.2023)

⁸ Путин, В. В. (2023) *Пленарное заседание международного форума «Российская энергетическая неделя»*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72480> (дата обращения: 27.10.2023).

⁹ Borrell, J. (2022) *Europe in the Interregnum: Our geopolitical awakening after Ukraine*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/europe-interregnum-our-geopolitical-awakening-after-ukraine_en (дата обращения: 02.04.2023).

силы¹⁰, отказ от наивности¹¹. Более того, сама безопасность — сфера, включающая не только военные вопросы, но и развитие военно-промышленного производства, стрессоустойчивость всей системы государства, общества и индивидов. ЕС в этой области наращивает свое присутствие, тогда как сомнения в приверженности ей США (по крайней мере, в Старом Свете) резко возрастают. Третий трек — урегулирование ситуации непосредственно на Украине. Евросоюз будет играть важную роль в экономическом восстановлении территорий, контролируемых Киевом, в том числе через процесс подготовки Украины к вступлению в ЕС. Следовательно, на всех трех выделенных треках безопасности (глобальном, европейском и национальном) России придется взаимодействовать с Брюсселем. Понимание его возможностей и ограничений станет важным фактором выстраивания обновленного миропорядка.

Четвертое направление исследований и вопросов преподавания связано с ограничительными мерами. Россия ныне по количеству введенных против нее ограничений занимает первое место¹². ЕС и США — санкционеры-рекордсмены; они координируют между собой ограничительные меры. С глобальной точки зрения санкции Вашингтона важнее, поскольку в США создан действенный механизм контроля за их соблюдением, а доллар и американский рынок крайне важны для экономической деятельности большинства компаний мира. В то же время по своему эффекту на российскую экономику ограничительные меры Евросоюза сказались больше как в связи с географической близостью блока, так и потому, что до 2022 г. на ЕС приходилось более 40 % внешней торговли России (Timofeev, Chupriyanova and Trotskaya, 2023).

В качестве результата воздействия санкций обычно рассматривают изменение торговых потоков, валютный курс, возможности параллельного и серого импорта. Активно разрабатывается политико-правовая проблематика ограничительных мер, их влияние на национальное единство, внешнеполитический курс, а также политическая и экономическая динамика в государстве, которое инициирует ограничительные меры. Кроме того, сам Евросоюз на данном этапе динамично развивает аспекты санкционного законодательства, чтобы приблизиться в его имплементации к США. В то же время интересны проблематика единства ЕС по ограничительным мерам, позиции отдельных его стран-членов. Поскольку санкции останутся в силе, скорее всего, надолго, то и специалисты по ним, по управлению соответствующими рисками и по ограничению их эффекта на экономику России будут востребованы еще многие годы, причем и на корпоративном, и на государственном уровнях.

Указанное направление, как свидетельствует анализ ведущих периодических изданий по тематике международных отношений, внешней политике России и экономическим связям, находится среди наиболее популярных на данный момент. Очевидно, это связано с осязаемостью ограничительных мер, а также с высокой

¹⁰ Borrell, J. (2020) *Embracing Europe's Power*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/embracing-europe's-power_en (дата обращения: 23.11.2023).

¹¹ Breton, T. (2022) *Sovereignty, Self-Assurance and Solidarity: Europe in Today's Geopolitics*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5350 (дата обращения: 23.11.2023).

¹² РИА Новости (2022) *Россия возглавила рейтинг стран с самым большим количеством санкций*. URL: <https://ria.ru/20220308/sanktsii-1777111282.html> (дата обращения: 05.11.2023).

прикладной ценностью работ. Отдельного внимания заслуживает то, что механизм снятия ограничительных мер проработан плохо. Речь идет не о нормах на бумаге, не о том, как их продлевать или завершать, а о возможности использовать отказ от ограничительных мер как инструмент восстановления конструктивных отношений, о выработке параметров их постепенного снятия.

Пятое важное направление — проработка параметров новых отношений России и Евросоюза. Уже отмечено, что до установления взаимоприемлемых гарантий безопасности говорить об экономическом или широком гуманитарном сотрудничестве невозможно. Стабилизировать диалог, служить страховочной сетью предстоит прежде всего торговому и инвестиционному сотрудничеству, работе с общими угрозами (например, экологическими, в области здравоохранения), а также культурным и научным контактам.

Сейчас, когда экономические контакты стали «заложником» политической борьбы на мировой арене, нередко звучат соображения, что эта страховочная сеть не сработала, критике подвергается стабилизационный потенциал международной торговли (Jovanović et al., 2023). Аналогичные тезисы относительно идей либерализма и «миротворческого потенциала» экономики звучали после начала Первой мировой войны (и при последующем анализе событий того времени). Однако то, что какие-то меры не принесли желаемый результат, не значит, что они были неверными и не могут быть использованы в дальнейшем. Более того, Россия и ЕС постулируют свою приверженность международным экономическим связям в целом¹³, а также, как отмечено ранее, по-прежнему применяют экономическую логику друг к другу, хоть и в деструктивном на данном этапе характере, то есть указывая, насколько губительно отсутствие связей для другого актора.

При воссоздании экономических контактов важны будут гарантии стабильности нового взаимодействия и снятие страха вепонизации технологической и инвестиционной взаимозависимости с обеих сторон. Улучшение доверия потребует от всех экономических операторов, во всех сферах — от торговли нефтегазовых гигантов углеводородами до индивидуальных инвесторов и трейдеров на бирже. В зависимости от того, когда будут реконструированы устойчивые отношения, речь может идти либо о восстановлении торговли углеводородами, либо о принципиально других экономических связях. Придется определить режим взаимодействия в цифровом пространстве, механизмы построения доверия в нем, а также использования для коммерческих и личных целей.

Уже сейчас стоит задуматься, какой тип экономического взаимодействия был бы оптимален. Ранее Россия и ЕС вели речь об общем экономическом пространстве и зоне свободной торговли, причем характер последней оставался предметом дискуссии. В любом случае торгово-экономические связи придется рассматривать в глобальном масштабе, в контексте взаимодействия с Глобальными Востоком и Югом, диалога между золотым миллиардом и глобальным большинством. Важным компонентом станет выстраивание диалога по линии «Европейский союз — Евразийский экономический союз». Прояснения потребует то, что дела-

¹³ Путин, В. В. (2022) *Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 23.11.2023); Breton, T. (2022) *Sovereignty, Self-Assurance and Solidarity: Europe in Today's Geopolitics*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5350 (дата обращения: 23.11.2023).

ется на уровне национальном с обеих сторон, а что — на уровне интеграционных объединений, а также как лучше использовать потенциал ВТО и других международных организаций, в том числе в части стандартизации, сближения технического регулирования. Долгое время специфику Северо-Запада России составляло региональное сотрудничество. Время покажет, смогут ли стороны вновь прийти к ситуации, когда граница будет общей точкой роста, контактов, а не барьером, символизм которого подчеркивают ныне возводимые стены и колючая проволока, а также наращивание военного контингента по обе стороны. Очевидно, что это потребует проработки правового режима и обновления качества транснациональных отношений, в том числе анализа визовой политики и передвижения через границу.

Аналогичные разработки необходимо сделать и для образовательных, научных, культурных связей, для сотрудничества в области внутренней безопасности, по визовым вопросам и миграции. Речь не идет о восстановлении связей завтра или даже через год, но, когда для этого откроется окно возможностей, следует быть к этому готовыми. В противном случае условия, которые будут зафиксированы, вряд ли окажутся выгодными России и ее коммерческим игрокам (в чем, кстати, неоднократно упрекали реформаторов начала 1990-х годов).

Наконец, последнее направление в нашей предметной области — исследование характера эволюции Евросоюза. Интеграционное объединение развивается как в политическом, так и в экономическом планах. Продолжают усложняться и политизироваться его институты, уплотняется дискурс о построении европейского/стратегического суверенитета, все активнее обсуждаются возможности и характер расширения. Евросоюз пытается реализовать так называемый зеленый курс, переориентировав свою экономику на более устойчивые рельсы, ограничить изменения климата. Кроме того, ЕС активно строит цифровой союз, то есть систему регулирования киберсреды, поддержки производства отдельных товаров, технологий и услуг (в том числе облачных), вырабатывает правила для искусственного интеллекта. Все эти внутренние процессы неизбежно будут влиять на внешнюю деятельность Евросоюза, а также на указанные параметры отношений с Россией. Следовательно, и они заслуживают внимания. Евросоюз как пример наиболее глубокой формы интеграции на современном этапе также остается полезным примером для объединений других стран (в том числе Евразийского экономического союза), причем как в части успехов, так и для анализа сложностей и неудач. И это дополнительный фактор для внимания к процессам в Старом Свете. Здесь, как свидетельствуют публикации в периодических профильных изданиях России («Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения», «Актуальные проблемы Европы», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения»), сохраняется большое количество отечественных исследований, несмотря на кризис в отношениях Москвы и Брюсселя.

Таким образом, повестка исследований и преподавания дисциплин, связанных с отношениями России и ЕС, а также европейской интеграцией, соответствующая четвертой модели соотношения науки и политической практики («совместному производству»), состоит как минимум из шести блоков. С одной стороны, она исходит из современных вызовов, из существующего положения вещей в отношениях России и ЕС, с другой — формулирует будущий характер диалога и его проблемы.

Список этот, как уже отмечалось, не задуман как исчерпывающий, он обозначен автором как приглашение коллег, теоретиков и практиков, к дискуссии.

3. Как изучать?

Очертив видение того, что исследовать и как преподавать в сфере отношений России и ЕС, а также европейской интеграции в среднесрочной перспективе, обратимся к вопросу, как это делать в современных условиях кризиса миропорядка. В данном процессе как минимум пять аспектов представляют сложность.

Первый и давно исследуемый состоит в плюрализме и конфликте различных идентичностей исследователей. В нашем случае речь идет (как минимум) о сочетании идентичностей эксперта и гражданина. Первый должен быть объективен, отрешен от сиюминутных собственных приоритетов и стереотипов, второй имеет право на то, чтобы искать признаки импонирующего ему исхода и преуменьшать значение того, что кажется неверным для развития его страны и общества. Данная сложность особенно выражена в период обострения международной ситуации, вооруженных столкновений, когда картины человеческих жертв, текущие социальные сложности (а именно на них, как хорошо продающихся, ориентированы СМИ) включают эмоциональное начало и заглушают рациональное, экспертное. Не зря в современной науке (особенно в связи с текущей конфронтацией России и Запада) нарастают дискуссии о том, насколько политики и эксперты должны использовать эмоции при принятии решений или их подготовке (Aronson et al., 2022; Beauregard, 2022).

Важно избежать принятия желаемого за действительное. Возможно, с распадом Евросоюза или ослаблением солидарности внутри коллективного Запада исчезли бы многие сложности российской внешней политики и политики безопасности. Наверно, консолидация Глобального Юга и его отказ от нынешних западных глобальных институтов позволили бы быстро трансформировать существующий миропорядок. Но единство США и ЕС остается сегодня с небольшими вариациями константой. Основано оно как на идейной близости, так и на прагматичных интересах по обе стороны Северной Атлантики. Сам Евросоюз, несмотря на периодические сложности, обладает достаточной внутренней стрессоустойчивостью, а зависимость от США, на которую постоянно указывает Москва, не представляется Брюсселю проблематичной. Глобальный Юг, хоть и недоволен сложившимся в мире неравенством, пока настроен извлекать выгоду из существующих институтов и регулирования, в том числе из ограничительных мер в отношении России, а не торопиться со сменой либерального мирового порядка, разнообразные кризисы которого мы наблюдаем. Аналогичная ошибка, отметим, существует и в ЕС в отношении России, ее консолидированности и политической стабильности. При чем уменьшение внимания России к Евросоюзу, а в ЕС — к России, сужение дипломатических, экономических, экспертных, научных и человеческих контактов такие заблуждения только плодят.

Вторая сложность современного изучения отношений России и Евросоюза состоит в терминологии. Например, существует проблема принадлежности России к Европе. С одной стороны, России самой предстоит решить, является она государством европейским, евразийским или государством — цивилизацией, не ограни-

ченной какой-либо частью света. В Концепции внешней политики России 2023 г. есть отсылки ко всем трем вариантам. Четкого ответа, являются эти опции равнозначными или одни подчиняются другим, а также как они сочетаются в отдельных направлениях внешней деятельности, пока нет. С другой стороны, для России и Евросоюза характерно различное понимание термина «Европа». Для Москвы оно прежде всего культурное, историческое, для Евросоюза — нормативное, связанное с уважением ряда ценностей и правил, причем Брюссель наделил себя правом судить, насколько хорошо соответствующие требования выполняются в третьих странах.

Еще одна иллюстрация проблемы — термин «коллективный Запад», который активно используется в России, что нередко нивелирует различия внутри этой группы, а также сложность координации действий, если отсутствует кризис. Аналогичные (если не бóльшие) проблемы характерны и для используемого в России и ЕС термина «Глобальный Юг». Здесь какие-то механизмы выработки общей позиции вообще отсутствуют, а плюрализм взглядов намного шире, чем на коллективном Западе. Следующим примером стал термин «суверенитет». Он критически важен для внешней политики России как основа будущего мирового порядка, как базовая ценность. ЕС с 2017 г. все активнее использует эту категорию, но инструментально, для защиты своих ценностей и статуса в рамках нынешнего миропорядка, а также для предотвращения вепонизации взаимозависимости (Романова, 2024).

Для описания одних и тех же событий стороны нередко используют различные термины и перспективы. Говорим мы о санкциях или о (незаконных) ограничительных мерах, введенных ЕС против России? Напомним, что, согласно официальной точке зрения Москвы, санкции могут быть введены только Советом Безопасности ООН, но нередко для краткости и в России ныне используется термин «санкции». Сегодня происходит трансформация миропорядка, или это лишь его кризисный этап? С течением времени растет количество ситуаций, когда стороны с политическими целями используют различный вокабуляр. Разные интерпретации ведут к фундаментальным отличиям в том, использование каких норм международного права видится верным. Неслучайно, например, Жозеп Боррель нередко говорит о «битве нарративов»¹⁴ как о характерной черте настоящего момента.

Различное наполнение терминов, а также использование несовпадающих категорий для описания событий, значимых для России и Евросоюза, для отражения их взаимоотношений осложняет понимание мотивов и логики другой стороны. Более того, несовпадение вокабуляриев, а также высокая динамичность наполнения терминов делает выработку каких-то договоренностей сверхсложной. Причем происходит это как на уровне лиц, принимающих решения, так и на уровне ученых и экспертов. Нынешним и будущим профессионалам в сфере отношений России и ЕС (российским и еэсовским) следует как минимум держать данный факт в голове.

Третья практическая сложность состоит в работе с источниками. Во-первых, стороны ограничили доступ к своим ресурсам. В частности, Россия существенно изменила стандарты раскрытия информации для бизнеса, а также ограничила до-

¹⁴ Borrell, J. (2023) *Rethinking "Security" in a World of Power Politics: Speech at the EU ISS Annual Conference*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/rethinking-'security'-world-power-politics-speech-high-representative-josep-borrell-eu-iss-annual_en (дата обращения: 23.11.2023).

ступ к некоторым государственным ресурсам, в том числе статистическим данным, что осложняет анализ, например, торгово-экономических отношений. Это продиктовано современным моментом конфронтации, направлено на снижение возможности введения ограничительных мер в отношении России. Однако такие меры осложняют научную, педагогическую и экспертную работу в области отношений России и Евросоюза. Во-вторых, и Россия, и Евросоюз ограничили доступ к средствам массовой информации друг друга в интернете, а в некоторых случаях к официальным ресурсам (сайтам). С одной стороны, это направлено на защиту соответствующих массивов данных от кибератак, с другой — на предотвращение распространения неофициальных, альтернативных версий текущих событий, которые с обеих сторон нередко считают частью гибридной войны. Эта мера также обоснована текущим кризисным моментом, однако и она осложняет научную, экспертную и преподавательскую деятельность. В-третьих, сложности поездок российских граждан в ЕС, введенные последним прямо (транспортные санкции, усложнение визовых процедур) или косвенно (блокирование работы российских платежных карт бизнесом, полное или частичное закрытие границ странами ЕС), сужают возможности полевых исследований, личных интервью, заставляют полагаться на ограниченный объем доступных источников. Визиты европейских ученых в Россию редко приветствуются их университетами и государствами, а также сопряжены с аналогичными логистическими проблемами. В результате не только осложняется понимание общественных процессов «по ту сторону границы», но и сужаются возможности для верификации данных.

Четвертый аспект, представляющий сложность, состоит в ограничении доступа к литературе, в нашем случае к той, которая осмысляет европейскую интеграцию и отношения России и Евросоюза. Это стало результатом либо добровольных ограничений на предоставление своих ресурсов, введенных операторами западных баз данных (например, Taylor & Francis закрыл доступ для российских институтов), либо невозможности оплатить подписки в связи с отключением банков России от системы SWIFT, а платежных карт — от систем MasterCard и Visa. Хотим мы или нет, но российская наука (в том числе экономическая или о международных отношениях) — часть мировой. Можно и нужно развивать новые, альтернативные концепции, но понимая, что уже сделано, какие аргументы и концептуализации существуют. Более того, основной массив публикаций, особенно теоретических, по проблематике европейских исследований представлен именно в иностранных изданиях. Точно так же нельзя в полной мере осмыслить происходящие в нашей стране процессы в отрыве от русскоязычной литературы, особенно по тематике внешней политики. Следовательно, отключение от доступа к соответствующим онлайн-ресурсам, а также снижение возможностей для взаимных стажировок, работы в архивах и библиотеках осложняют научную и образовательную работу в сфере европейских исследований, отношений России и ЕС, а также в целом реализацию четвертой модели взаимодействия науки и политической практики в анализируемой сфере. Обходные схемы доступа к научным ресурсам через различные сторонние сервисы и институты могут лишь частично компенсировать возникшие сложности.

Кроме того, долгое время российские и зарубежные эксперты учились говорить на едином научном языке в сфере международных отношений и мировой экономики. Не может быть замкнутого национально или регионально изучения меж-

дународных отношений или экономики, как не бывает французской, арабской или российской математики. Например, категории «национальный интерес» и «сила», которые активно использует официальная Россия, сформированы прежде всего в трудах Г. Моргентхау и его последователей. Понимание общепризнанных теорий и умение ими оперировать отнюдь не означает согласия со взглядами Запада, где многие концепции и подходы возникли. В теоретической плоскости речь идет об умении вести дискуссию на универсальном научном языке, принятом, кстати, также и в странах Глобального Востока и Глобального Юга, о навыке оппонировать теоретическим построениям визави, о способности доносить до оппонента выводы своих исследований, в том числе имеющих крайне необходимую национальную специфику. На практике и в экспертизе критически важно умение представлять интересы и предпочтения, а также указывать на красные линии своей страны на понятном для всех, универсальном языке. Ограничение же диалога с мировой наукой оказывает на эти умения и навыки скорее негативное воздействие, а также затрудняет в Европе и в целом на Западе понимание России, ее интересов и возможностей.

Наконец, последний проблемный практический аспект — ограничение международного взаимодействия. Связан он со сворачиванием большинства совместных с западными институтами научных исследований и разработок, с отказом от их финансирования, а также нередко с добровольным отстранением бывших партнеров от взаимодействия с российскими университетами, научными центрами и даже учеными на индивидуальном уровне. Зарубежные (особенно европейские) периодические издания в ряде случаев отказались от публикации статей ученых, аффилированных с российскими университетами, не по причине плохого контента, а по соображениям неприятия внешней политики Москвы на современном этапе. В результате российские ученые не могут получить достаточно широкий отклик на свои изыскания, а также сделать их доступными среди иностранных коллег. Западные исследователи, в свою очередь, получают ограниченное представление о позиции России, ее политической и экономической динамике и возможных вариантах преодоления современных проблем.

Представленные проблемы осложняют исследования и преподавание дисциплин, связанных с отношениями России и Евросоюза, а следовательно, укрепление четвертой модели взаимодействий науки и политической практики в этой сфере.

Заключение

Сфера исследования отношений России и Евросоюза одной из первых стала жертвой нарастающей конфронтации Москвы и Запада, причем как в нашей стране, так и за ее пределами. На первый взгляд, это закономерная реакция на упразднение сотрудничества двух сторон, на то, что отношения утратили осязаемость, которая их характеризовала почти 30 лет. Такой подход находится в русле второй модели взаимодействия науки и политической практики, где последняя определяет и ограничивает первую. На взгляд автора представленной статьи, наибольший потенциал для науки, преподавания и политической практики имеет четвертая модель, «совместное производство», то есть взаимовлияние науки и политической практики, реализующееся в том числе через высшее образование.

Для реализации модели «совместного производства» сегодня целесообразно сконцентрироваться на шести тематических аспектах в изучении отношений России и ЕС: анализе достижений и ошибок предыдущих 30 лет диалога; принятии геополитизации отношений, вытесняющих на современном этапе экономическую логику; формировании новой системы гарантий безопасности, которая на разных уровнях включит Россию и ЕС; изучении потенциала и параметров ограничительных мер; моделировании будущих отношений, а также выявлении особенностей углубления интеграционных процессов. Однако четвертая модель также сталкивается с серьезными практическими проблемами. Среди них конфликт идентичности исследователей, терминологические расхождения в отечественной и зарубежной науке и практике, ограничения доступа к источникам и литературе, а также снижение интернационализации научных дебатов (в части диалога ученых России и Запада).

Перечни тематических аспектов и практических сложностей, ключевых для современных исследований России и ЕС, ни в коем случае не являются исчерпывающими. Цель написания статьи состоит в приглашении коллег, студентов, представителей власти и бизнеса к дискуссии по этой важной проблематике. Такая дискуссия важна не только для будущего европейстики и исследования отношений России и ЕС/Запада, но и в целом для внешней политики России и характера международных отношений в Большой Евразии.

Литература/References

- Aronson, P., Gusejnov, G., Lerner, J. and Golova, T. (2022) *When Feelings Go Public: The New language of Emotions in Russia*, Panel discussion with Polina Aronson, Gasan Gusejnov, Julia Lerner and Tatiana Golova. Available at: <https://www.zois-berlin.de/en/media-library/event-recordings/when-feelings-go-public-the-new-language-of-emotions-in-russia> (accessed: 05.11.2023).
- Astrov, V. (2021) 'Methods of economic analysis', in Romanova, T., David, M. (eds) *The Routledge Handbook of EU-Russian Relations. Structures, Actors, Issues*. Abington: Routledge, pp. 116–128.
- Beauregard, P. (2022) 'International emotional resonance: Explaining transatlantic economic sanctions against Russia', *Cooperation and Conflict*, 57 (1), pp. 25–42.
- Béland, D. (2009) 'Ideas, institutions, and policy change', *Journal of European Public Policy*, 16 (5), pp. 701–718.
- Boswell, C. and Smith, K. (2018) 'Rethinking Policy "Impact": Four Models of Research-Policy Relations', *Palgrave Communications*. <https://doi.org/10.1057/s41599-017-0042-z>
- Bradford, A. (2020) *The Brussels Effect*. Oxford: Oxford University Press.
- Butorina, O. and Kaveshnikov, N. (eds) (2016) *European Integration*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
- Damro, C. (2012) 'Market Power Europe', *Journal of European Public Policy*, 19 (5), pp. 682–99.
- Foucault, M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
- Giddens, A. (2011) *Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
- Gramsci, A. (2009) 'Hegemony, intellectuals and the state', in *Cultural Theory and Popular Culture*, 2, pp. 210–216.
- Hall, P. A. (1993) 'Policy paradigms, social learning, and the state: The case of economic policymaking in Britain', *Comparative Politics*, 25 (3), pp. 275–296.
- Jovanović, M., Koval, A., Lomagin, N., Lukyanov, F., Sutyryn, S., Trofimenko, O. and Guanghua, W. (2023) 'Peace as a natural effect of trade: A potentia ad actum', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 39 (3), pp. 289–306.
- Karaganov, S. (2018) 'The new Cold War and the emerging Greater Eurasia', *Journal of Eurasian Studies*, 9, pp. 85–93.
- Keynes, J. M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. New York: Macmillan.

- Khudoley, K. K. (2020) 'Russia and the West: A Second Cold or the First Cool War?', *Russia in Global Affairs*, November. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russia-west-first-cool-war/> (accessed: 05.11.2023).
- Jasanoff, Sh. (ed.) (2004) *States of knowledge: The co-production of science and the social order*. London: Routledge.
- Luhmann, N. (1991) 'Operational closure and structural coupling: The differentiation of the legal system', *Cardozo Law Review*, 13, pp. 1419–1441.
- Luttwak, E. N. (1990) 'From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce', *The National Interest*, 20, Summer, pp. 17–23.
- Manners, I. (2002) 'Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?', *Journal of Common Market Studies*, 40 (2), pp. 235–258.
- Pickering, A. (1995) *The mangle of practice: Time, agency, and science*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Romanova, T. (2017) 'Levels of Analysis as an Instrument to Assess the Evolution of EU-Russian Relations', *Contemporary Europe*, 2, pp. 30–42. (In Russian)
- Romanova, T. (2024) 'In Different Languages 2.0. Geopolitics and Sovereignty in the EU and Russia's Discourses', *Russia in Global Affairs*, 1, pp. 72–92. (In Russian)
- Romanova, T. and David, M. (eds) (2021) *The Routledge Handbook of EU-Russian Relations. Structures, Actors, Issues*. Abington: Routledge.
- Timofeev, I., Chupriyanova, P. and Trotskaya, K. (eds) (2023) *Politics of Sanctions: Goals, Strategies, Instruments*. Reader. Moscow: RIAC Publ. (In Russian)

Статья поступила в редакцию: 19.12.2023
Статья рекомендована к печати: 15.02.2024

Контактная информация:

Романова Татьяна Алексеевна — канд. полит. наук, доц.; t.romanova@spbu.ru

Relations between Russia and the European Union in the context of modern transformation of the world order: Issues of studying and teaching

T. A. Romanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Romanova, T. A. (2024) 'Relations between Russia and the European Union in the context of modern transformation of the world order: Issues of studying and teaching', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40 (2), pp. 157–174. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201> (In Russian)

Studies of EU-Russian relations faced substantial problems in 2022. Deep crisis of the world order caused a collision of Russia and the West, and weakened EU-Russian relations. In this context, the goal of the article is to open a discussion on why and how to research and teach EU-Russian relations and European studies at present. Firstly, the article describes four models of how science interacts with policy, stressing the priority of the fourth model, that is co-production of science and policy. On the one hand, this model is based on social developments and responds to the needs of the state and society. On the other hand, it identifies social problems and their plausible solutions, defines new paradigms that shape the “feasible” and “appropriate” in the policy. Next the article formulates six thematic blocs, which will allow today's studies of EU-Russian relations to meet the demands of the co-production model. These are analysis of EU-Russian relations in 1992–2022; accepting that politics and security dominate over economic logics at present; modelling a new security system that will inevi-

tably incorporate the EU and Russia at the global, regional and national levels, and will thus demand their dialogue; studying the potential and parameters of mutual sanctions (restrictive measures), as well as the influence of these measures on both actors and their relations; modelling the future of EU-Russian relations (in particular, economic ones); as well as identifying the EU's evolution, which might also be useful for the Eurasian integration. At the same time, the co-production model faces serious practical challenges for scholars and lecturers. Among them are identity conflict, terminological discrepancies, access to primary sources and literature, and limited internationalization of scientific debates (at least when it comes to the interaction between Russian and Western participants). Overcoming these procedural difficulties will create preconditions for the co-production model in the studies of EU-Russian relations. The author sees the article as an invitation to further discussion among scholars and lecturers.

Keywords: Russia and the European Union relations, European integration, free trade area, sanctions, geopolitics, geoeconomics, teaching international relations, crisis.

Received: 19.12.2023

Accepted: 15.02.2024

Author's information:

Tatiana A. Romanova — PhD in Political Sciences, Associate Professor; t.romanova@spbu.ru